

Сегодня Лэ Юй лишь сказал:

— Спасибо за комплимент.

Они немного помолчали, после чего Лэ Юй скрестил руки на груди и произнёс:

— Говори прямо.

Гу Синьчи, сохраняя спокойствие, ответил:

— Я принёс каллиграфический свиток для твоей оценки. Это приглашение, написанное лично князем Цзинчэном из Чу. Ты должен был прочитать его три дня назад. Когда ты собираешься это сделать?

Лэ Юй ответил:

— Когда князь Цзинчэн будет на пороге смерти.

Гу Синьчи спросил:

— Значит, договориться не получится?

Лэ Юй фыркнул.

Гу Синьчи глубоко вздохнул:

— А Юй, мы дружим двадцать лет, не упрекай меня за жестокость.

Лэ Юй уже почувствовал, что что-то не так, и это не сулило ничего хорошего.

Действительно, Гу Синьчи двумя пальцами достал письмо:

— Раз уж ты не принимаешь приглашение князя Цзинчэна, то придётся принять это письмо от госпожи.

После того как госпожа Сяньюй уступила свой пост, она исчезла. Меч «Сяньсянь» был ею оставлен. Покинув остров Пэнлай, Лэ Сяньюй ушла в горный даосский монастырь, став монахиней. Она даже не хотела больше видеть своего сына. В тихой комнате Лэ Юй поднял голову и посмотрел на вставшего Гу Синьчи. Гу Синьчи поправил одежду и серьёзно сказал:

— Стань на колени.

Не давая Лэ Юй рассердиться, он добавил:

— Ты кланяешься не мне, а госпоже.

Лэ Юй указал на него пальцем, но ничего не мог поделать. На небесах и на земле лишь его мать, которая также была его учителем, могла заставить его преклонить колени. Он глубоко вдохнул, чтобы успокоить своё недовольство, и, подняв полы одежды, быстро опустился на колени. Гу Синьчи открыл письмо и сказал:

— Госпожа спрашивает, что ты можешь сказать о том, что тогда посадил гу?

Остров Пэнлай никогда не вмешивался в дела двора. После реабилитации семьи Гу, Гу Хуань решила выйти замуж за наследного принца Чу в соответствии с брачным соглашением. Остров Пэнлай не мог иметь принцессу Чу, и госпожа Сяньюй, воспитавшая её семнадцать лет, с того момента разорвала с ней отношения приёмной матери и дочери.

Кто бы мог подумать, что Лэ Юй отправится на гору Тяньшань, чтобы найти для неё любовную гу и продлить её жизнь. Эти мать и сын виделись не более трёх-четырёх раз в год, и в тот раз госпожа Сяньюй действительно пришла в ярость, обрушив меч на собственного сына. Лэ Юй, только что став хозяином мужской гу, был в состоянии хаоса и не мог защитить себя. В Южно-Китайском море госпожа Сяньюй нанесла ему тяжёлые ранения, и он упал в воду, после чего два месяца восстанавливался.

После выздоровления Лэ Юй так же стоял на коленях перед табличками предков, принимая наказание, и ответил своей матери:

— Все страдания — это моя вина, и я не виню никого.

Гу Синьчи вдруг почувствовал себя беспомощным перед ним. Он похлопал друга по плечу и сказал:

— Я закончил задавать вопросы от имени госпожи, можешь встать.

Лэ Юй не спешил подниматься, а вместо этого спросил:

— С каких пор ты можешь представлять её?

Гу Синьчи слегка кашлянул, наклонился и обеими руками помог ему подняться, сказав:

— Госпожа передала письмо — пусть младшие выполняют её поручения.

Лэ Юй позволил ему помочь себе, напряг колени, чтобы встать, но вдруг нахмурился, схватил его за руку и спросил:

— Почему ты снова дрожишь?

Не дожидаясь ответа, он сжал его запястье и передал туда поток энергии.

Брат и сестра Гу с детства страдали от изгнания, и их тела были подорваны. Гу Синьчи был в лучшем состоянии, но его энергия была в полном беспорядке. Лэ Юй, держа его запястье,

терпеливо разделил энергию на несколько потоков, чтобы постепенно прочистить её. Гу Синьчи горько улыбнулся. Оба замолчали на мгновение, и Лэ Юй, вернув себе энергию, сказал:

— Я, должно быть, в прошлой жизни был в долгу перед вами, братом и сестрой.

Гу Синьчи ответил:

— Ты точно был в долгу перед Гу Хуань. И, вероятно, это был огромный долг.

— Поэтому мне придётся снова отправиться, чтобы его вернуть, — Лэ Юй смотрел на облака за садом.

Каждый раз, когда потомки клана Лэ с острова Пэнлай ступали в мир боевых искусств, это вызывало бурю. Например, когда Лэ Юй отправился на гору Тяньшань за любовной гу, до сих пор ходят слухи, смешивая правду и вымысел.

Гу Синьчи вдруг сказал:

— На мой взгляд, тыходишь в десятку лучших мастеров боевых искусств в мире.

Лэ Юй усмехнулся:

— Спасибо за высокую оценку.

Гу Синьчи покачал головой и добавил:

— Я уже советовал тебе: если бы не мужская гу, высасывающая твою энергию, и если бы не то, что после её посадки твоя внутренняя сила прорывалась в несколько раз труднее, твоё место в рейтинге было бы куда выше.

Лэ Юй лишь улыбался, а Гу Синьчи продолжил:

— Я раньше думал, что ты глубоко влюблён в неё, поэтому не слушал советов. Но теперь вижу, что это не так. В мире есть не только любовь, что может заставить одного человека безропотно терпеть другого... Твои чувства к ней — не любовь между мужчиной и женщиной, но она определённо твоя судьба.

Это путешествие, вероятно, будет полным страданий и испытаний. Лэ Юй откладывал его три дня, не желая покидать остров, но в конце концов ему пришлось отправиться в столицу Чу, Цзиньцзин. Госпожа Сяньюй также считала, что раз он сам навёл на себя эти проблемы, то должен сам их решить.

Гу Синьчи и Лэ Юй сидели в тишине, попивая горячий чай, который поднёс слуга. Лэ Юй закрыл веер и сказал:

— Должность временного хозяина острова я оставляю тебе. На три месяца. Ты в последнее

время неважно себя чувствуешь, так что отдыхай больше, а если возникнут дела, пусть Линь Сюань занимается ими.

Он добавил:

— В следующем месяце, когда будем вести переговоры с купцами из Ланьна, если кто-то начнёт шуметь и завышать цены, останови их корабли у острова и отправь главу их гильдии ко мне в Цзиньцин через управляющего Го.

Гу Синьчи улыбнулся и ответил:

— Хорошо.

Через некоторое время Лэ Юй покинул остров, и Зал Цзинни опустел.

Он ушёл один, взяв только меч «Цици». Но маленький слуга Чуньбао, который обычно был с ним в Зале Цзинни, устроил истерику, умоляя взять его с собой, сказав, что никогда не покидал остров Пэнлай и хочет попробовать горячие пирожные из лавки Юнсянцзи в Цзиньцине. Лэ Юй взял его с собой.

Линь Сюань отправил людей, чтобы запечатать Зал Цзинни, и, немного поколебавшись, сказал Гу Синьчи:

— Если с молодым хозяином что-то случится в пути...

Его слова были полны беспокойства, но он сам не мог понять, откуда оно взялось.

Когда Лэ Юй ушёл, остров Пэнлай словно потерял свою опору. Хотя все продолжали выполнять свои обязанности, и остров функционировал как обычно, отсутствие одного человека в Зале Цзинни не могло ничего изменить. Когда он был здесь, даже такие молодые люди, как Линь Сюань, могли общаться с ним на равных и часто шутить. Лэ Юй не устанавливал свою власть, но теперь, когда он ушёл, все почувствовали, что остров Пэнлай, возможно, уже привык к отсутствию госпожи Сяньюй, но не может обойтись без молодого хозяина.

Гу Синьчи, думая об этом, ответил Линь Сюань:

— Не волнуйся. У него есть свои планы.

Внутри же он мысленно пожелал: «Пусть его путешествие пройдёт гладко. Иначе... для острова Пэнлай последствия будут катастрофическими».

В это время в Южно-Китайском море два корабля постепенно сближались, а пара любовных гу становилась всё сильнее. Боль в сердце Лэ Юй усиливалась, и, хотя он ещё не встретил князя Цзинчэна Сяо Шанли, он уже испытывал к нему множество негативных чувств. Женская гу также беспокоила Сяо Шанли, и оба были полны гнева.

Лэ Юй, скрестив руки, закрыл глаза и прислонился к стене каюты. Снаружи был сильный ветер и густой туман, но он оставался неподвижным. Чуньбао сидел напротив него за небольшим столом, время от времени украдкой поглядывая на него. Этот мальчишка, как обезьянка, чистил арахис и грецкие орехи, оставляя гору скорлупы на полу, и, не в силах сдержать любопытство, перелез через стол, схватил Лэ Юй за край одежды и умолял:

— Молодой хозяин, снаружи большой корабль!

Лэ Юй сказал:

— И на нём написано «Чу», да?

Чуньбао невольно воскликнул:

— Молодой хозяин... ты действительно великолепен!

Лэ Юй подумал: «Я не великолепен. Мне просто очень больно». Не в силах выразить свои страдания, он лишь усмехнулся.

На море корабли остановились. Лэ Юй не хотел останавливаться, он хотел побыстрее уйти, ведь каждая лишняя минута приносила ему больше боли. Молодой хозяин Лэ никогда не был тем, кто ищет страданий, но князь Цзинчэн, наконец увидев человека с острова Пэнлай, не собирался так просто его отпустить.

Вскоре между кораблями был перекинут мостик, и в белом тумане он протянулся через море. На носу другого корабля, словно на вершине горы или на балконе, стоял человек. Один из охранников князя Цзинчэна вышел вперёд и сказал:

— Князь Цзинчэн из Чу здесь. Кто на корабле острова Пэнлай?

Долгое время они видели только маленького слугу, выглянувшего из окна корабля острова Пэнлай. Он, подражая взрослым, сначала поклонился и крикнул:

— Мой... мой хозяин говорит... ты... ты сам знаешь, кого хочешь видеть с острова Пэнлай!

В каюте на столе упала маленькая чашка, и тёмно-зелёный чай пролился на красный ковёр. Рука, белая, как снег, сжалась, и князь Цзинчэн встал, подойдя к окну.

Охранник собирался поклониться, но князь Цзинчэн жестом остановил его, и охранник продолжил:

— Так это хозяин острова Пэнлай. Раз уж господин Лэ решил показаться, почему бы не перейти на наш корабль и не побеседовать с князем?

Маленький слуга Чуньбао ответил:

— Мой... мой хозяин говорит: спасибо, не стоит. Князь находится при дворе, а мой хозяин — простой человек из мира боевых искусств, не желающий искать покровительства. В любом случае, он... направляется в Цзиньцин, чтобы встретиться с одним старым другом. Мы идём другим путём, но в Цзиньцине он обязательно встретится с князем в доме этого друга.

<http://bllate.org/book/15272/1348045>